

Филипп БОБКОВ

**КГБ
и ВЛАСТЬ**

**Москва «ЭКСМО», «АЛГОРИТМ-КНИГА»
2003 год**

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 72

Бобков Ф.Д.
Б 72 КГБ и власть. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 416 с.,
илл.

ISBN 5-699-03011-5

Филлип Денисович Бобков – кадровый разведчик, прослуживший в органах госбезопасности 45 лет. Прошел путь от рядового разведчика до генерала армии, первого заместителя Председателя КГБ СССР. В этой книге он описывает всю сложность взаимоотношений, существовавших между КГБ и ЦК КПСС.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-03011-5

© ООО «Алгоритм-Книга», 2003
© ООО «Издательство «Эксмо»», 2003

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

...Конечно, компромисс есть компромисс, и при этом всегда существует страдающая сторона. Националистическая партия «Дашнакцутюн» никогда не забывала о «несправедливых» границах и боролась за Великую Армению, многие ее лидеры, находившиеся за рубежом, активно выступали и против образования Советской Армении, и против местной просоветски настроенной армянской диаспоры, провозглашая лозунг объединения всех армян на землях Великой Армении, включая и Западную Армению, находившуюся на территории Турции. Неслучайно дашнаки без конца напоминали об антиармянском геноциде и ужасающей резне 1915 года – этой кровоточащей ране армянского народа, на которую они все время сыпали соль своей ядовитой пропаганды.

...Понимая, что осуществить присоединение Западной Армении без конфликта с Турцией не удастся, дашнаки замыслили осуществить идею создания Великой Армении путем собирания земель на территории Советского Союза. Это совпало и с заметным ростом армянского населения в Армянской ССР за счет реэмиграции соотечественников из западных стран.

...В 1973 году в Москве прогремели три взрыва: на улице 25 Октября (ныне Никольская), в магазине на площади Дзержинского (Лубянка), и в метро между станциями «Измайловский-парк» и «Первомайская» - в результате погибло 29 человек. Никаких следов злоумышленников обнаружено не было.

Чем могли быть вызваны эти кошмарные акты? Преступникам было явно безразлично, кого убивать, а ведь политический террор обычно направлен против каких-то конкретных лиц. Версия мести или попытки грабежа тоже отпадала.

Преступники скрылись, и никто не взял на себя ответственность за террористический акт, значит, не преследовалась цель привлечь общественное внимание. Оставалась одно: они решили безжалостно, варварски уничтожить мирных, ни в чем не повинных людей – мстить стране. А отсюда следует, что мотивы преступления были все же политическими.

...Учитывая, что взрывы были произведены в трех местах, у следствия возникло предположение: возможно, где-то готовились подобные акции. И оно подтвердилось. Опущу пространный рассказ о том, сколько труда и изобретательности потребовалось от оперативников, пока они несколько месяцев спустя не обнаружили на Курском вокзале точно такое же взрывное устройство, но оно, к счастью, не сработало.

По словесным портретам, сделанным пассажирами, видевшими владельцев сумки со взрывным устройством на Курском вокзале, начались поиски. Приметы оказались характерными. Террористов было двое, один из них в синем спортивном костюме, и что наиболее существенно, оба армяне. Правда армян можно встретить едва ли не в любом городе, но тем не менее поиски начались прежде всего в Армении.

Сотрудники оперативно-розыскной службы встречали все самолеты и поезда, прибывавшие из Москвы в Ереван, поиски велись и в других местах.

Из первого же московского поезда, прибывшего в Ереван, вышли двое мужчин, по всем приметам похожие на тех, которых видели на Курском вокзале. Их задержали (это были Степанян и Багдасарян). Один из них являлся участником националистической нелегальной группы, которой руководил некий Затикян. При обыске у него на чердаке обнаружили гусятницу – точно такую же, как та, что взорвалась в метро. После задержания преступникам предъявили собранную из осколков гусятницу и еще кое-какие вещественные доказательства. Отпираться они не могли. Что же толкнуло их на столь бесчеловечный акт?

Оказались, все трое являлись членами нелегальной националистической партии, ставившей целью борьбу против советского строя, а следовательно, против Москвы. Они решили мстить русским,

неважно кому именно: женщинам, детям, старикам – главное русским.

... Теория исключительности армянской нации внушалась населению республики с малых лет. Например, в учебнике для 7-8 классов средней школы ставился вопрос: в столицах каких государств есть армянские школы, и тут же выяснялось, что в столице СССР такой школы нет, а вот в некоторых зарубежных странах есть. Среди участников организации «Молодая гвардия», боровшейся в годы оккупации с гитлеровцами, в учебнике назывался только Жора Арутюнянц. Другие имена, даже ее руководителей, не упоминались. Когда шла речь, скажем, о выдающихся советских музыкантах, художниках, деятелях культуры и науки, назывались, как правило, только армянские фамилии. Естественно, в результате дашнакская пропаганда попадала на благотворную почву.

Будучи в Армении, я беседовал по этому поводу с Демирчяном. Наш долгий и трудный разговор ничем не кончился, руководитель компартии Армении упрямо твердил: «Ничего страшного у нас не происходит!» Накануне отъезда я вновь встретился с ним и привел новые факты об активном проникновении дашнаков на территорию республики. Демирчян реагировал несколько по-другому. На очередном пленуме ЦК партии республики призвал коммунистов начать борьбу против дашнакского влияния, однако дальше этой формальной акции дело

не пошло, если не считать нескольких публикаций, с трудом увидевших свет. Для жителей Нагорного Карабаха это бездействие обернулось бедой.

Понимая, что в стране, где началась перестройка, неизбежно грядут какие-то перемены, под влиянием националистической пропаганды снова подняли голову экстремистски настроенные элементы. В Армении был создан комитет «Карабах». Это он организовал на центральной площади Еревана миллионный митинг, требовавший присоединения Нагорного Карабаха к Армении.

В двух Закавказских республиках обстановка накалялась: в Ереване шли многолюдные собрания, направленные против Азербайджана, в Нагорном Карабахе нарастали экстремистские настроения, в Баку назревала вспышка - народ готов был выступить на защиту азербайджанских интересов. Достаточно было спички, чтобы произошел взрыв. И такой спичкой оказались события в Сумгаите.

В отличие от других городов Азербайджана, где удалось сдержать страсти и не допустить, чтобы люди вышли на улицы, в Сумгаите перед горкомом партии собралось не менее пяти тысяч жителей. Напряжение достигло кульминации, когда на площади появились азербайджанцы, бежавшие из Кафанского района Армении и рассказавшие о погромах, учиненных армянами в районах, где жили, главным образом, азербайджанцы. Еще больше подлило масло в огонь выступление по армянскому

телевидению поэтессы Сильвии Капутикян с рассказом о встрече в Москве с М.С.Горбачевым, а затем пришедшее из Еревана сообщение – о заявлении Главного военного прокурора Советской армии А.Н.Катусева, сказавшего, что ему известно о двух погибших в Азербайджане и, по его сведениям, среди погибших армян нет. Человек умный, волевой и достаточно дипломатичный, Катусев не мог не сделать такого заявления перед разбушевавшейся на ереванской площади толпой.

...Национальное чванство губительно сказывалось на развитии добрососедских отношений и поощряло конфронтационные акции. Так зрел Карабах. Мне кажется, некоторые известные и уважаемые люди даже не думали о том, как их громкие фразы и публичные высказывания способны привести к таким тяжелым последствиям.

Так, академик Аганбекян, как стало известно из печати, находясь в Париже, заявил на встрече с жителями армянского квартала, будто проблема Нагорного Карабаха вот-вот будет решена и эта область, находящаяся на территории Азербайджана, войдет в состав Армении. В то время Аганбекян был близок к Горбачеву, и за рубежом его воспринимали как человека, в известной мере выражавшего взгляды Генерального секретаря ЦК КПСС. Естественно, это сообщение быстро облетело вся армянскую диаспору, дошло до Армении и Азербайджана. Начиная с этого момента Аганбекян стал для

азербайджанцев нарицательной фигурой – человек, который поднес первую спичку к карабахскому костру.

«Постарался» журналист и писатель Зорий Балаян. Находясь в Америке, он объехал места проживания армян и тоже, намекнув на Горбачева, заявил о переходе Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армении.

Еще одним «активистом» оказался сын А.И.Микояна – Серго, который отправился в Армению и очень много наговорил на эту тему.

Естественно, в Армении после всех этих выступлений поняли, будто вопрос решен, и областной совет Нагорного Карабаха объявил о выходе автономной области из состава Азербайджана.

Только тогда Политбюро ЦК КПСС осознало всю сложность положения и приняло постановление: границ республики не менять, оставить все как есть и «окончательно решить проблему в ходе перестройки». Что это означало, вряд ли кто-нибудь мог объяснить. Всем было ясно только одно – на сегодня вопрос с повестки снимается. Однако проблема Нагорного Карабаха не только не была снята, но еще больше обострилась. Волнения начались в Баку. В Азербайджан была направлена делегация во главе с секретарем ЦК КПСС Г. П. Разумовским, куда вошли кандидат в члены Политбюро П. Н. Демичев и я.

Посетив Баку, где все остались довольны решением Политбюро, мы направились в столицу Нагорного Карабаха - Степанакерт. Здесь еще ничего не знали о выводах ЦК и считали, будто вопрос решен в пользу Армении. У въезда в город нас встретили многочисленные группы празднично одетых людей с красными флагами и лозунгами, прославлявшими дружбу народов, благодарившими руководство страны за справедливое решение карабахского конфликта. На улицах Степанакерта - день был февральский, но солнечный и теплый - пионеры в красных галстуках приветственно размахивали флажками. Настоящий праздник.

Мы, конечно, чувствовали себя отвратительно, ибо везли жителям города совсем другое известие. И уже сам этот факт показывает, насколько люди были введены в заблуждение, сколь сильно было моральное давление; вся масса армянского населения Нагорного Карабаха оказалась втянутой в эту, прямо скажем, скверную провокацию.

Карабахская проблема все больше углублялась, она нанесла тяжелую травму двум народам и еще сильнее разожгла вражду между ними.

В Армении решение Политбюро ЦК КПСС поддержано не было. Все партийные организации, начиная с ЦК партии Армении, приняли его условно, с оговоркой: вопрос должен решиться на ближайшем пленуме ЦК КПСС. И этот так называемый «третий пункт» решения партийных организаций фактически объединил коммунистов Армении с националистичес-

кими элементами, входившими в комитет «Карабах», который требовал немедленного присоединения Нагорного Карабаха к Армении. Нашей группе во главе с Разумовским удалось убедить партийно-хозяйственный актив области, что нельзя сейчас перекраивать границы республик и еще больше разжигать национальную междоусобицу. Однако мы считали необходимым предоставить армянам Нагорного Карабаха все условия для нормальной жизни, развития национальной культуры и традиций. Участники партийно-хозяйственного актива с нами согласились. Так была заложена основа для разрешения кризиса. Элементарная логика подсказывала: решение партийно-хозяйственного актива - не шутка, это ведь отражение мнения населения Нагорного Карабаха, с которым не могут не считаться в центре. Руководство Армении должно было поддержать его.

К нашему удивлению, ничего этого сделано не было. Вместо того, чтобы провести в жизнь решение актива, ЦК компартии Армении задержал на несколько дней его публикацию. Это еще больше активизировало движение за изменение статуса Нагорного Карабаха.

Опять-таки можно спорить о том, кто был первым, кто как себя вел и кто больше виноват - азербайджанская или армянская сторона, - но факт остается фактом: первыми жертвами стали азербайджанцы: 22 февраля 1988 года в Аскеранском районе были убиты двое: работавший на

виноградниках крестьянин и мальчишка, который показался подозрительным армянскому стрелку.

К чести азербайджанских руководителей и народа республики, они постарались сдержать эмоции и не стали афишировать убийство. Мне пришлось быть на месте события и видеть разъяренную толпу жителей Агдамского (соседнего с Аскеранским) района, призывавшую отомстить за невинные жертвы.

Остановил их лишь мужественный поступок замечательной женщины, Героя Социалистического Труда Аббасовой, которая бросила платок перед толпой и обратилась к мужчинам, призывая их к разуму. Согласно местному обычаю, платок женщины нельзя перешагнуть - он священен. Потом мы вместе с Аббасовой отправились на митинг, собравшийся в Агдаме, где в конце концов было принято общее решение: ни в коем случае не разжигать страсти. Можно представить, что поднялось бы в Азербайджане, если бы факт этого убийства стал широко известен!

В течение нескольких дней обстановка в Нагорном Карабахе оставалась напряженной, возможно, люди постепенно успокоились бы, не дойди до них еще одна новость: поэтессу Сильвию Капутикян и Зория Балаяна приняли в Москве - сначала А. Н. Яковлев, а затем и М. С. Горбачев.

Для чего понадобились эти встречи - трудно сказать. Может быть, руководство страны хотело использовать влияние интеллигенции, чтобы развязать туго

затянувшийся узел? Но почему в Москве приняли только армян? Зачем понадобилось это явное, если не демонстративное предпочтение? Возможно, в те дни были и какие-то встречи с азербайджанцами, но пресса ни о чем подобном не сообщала. Неужели всего этого не понимал такой искушенный политик, как Горбачев?

У азербайджанцев действия властей вызвали не только недоумение, но и ощущение, что их предали. А армяне торжествовали, тем более что, возвратившись из Москвы, Сильвия Капутикян и Зорий Балаян недвусмысленно намекали на то, что Горбачев в карабахском конфликте на стороне армян. У меня нет оснований утверждать, будто подобные шаги центра были предприняты злонамеренно, но такая недалёковидная политика усугубила конфликт, и тут прямая вина лежит на Горбачеве. Правда, после описанных событий он обратился к азербайджанскому и армянскому народам с призывом подчиниться и выполнить решение Политбюро ЦК КПСС, но и здесь оказался непоследовательным. Смысл решения явно менялся. Это сразу заметили и в Азербайджане, и в Армении.

Горбачев впоследствии, говоря о событиях в Азербайджане, взял на себя ответственность за то, что, дескать, опоздали с вводом войск в Сумгаит. Но силой в Азербайджане нельзя было успокоить людей, многомиллионное население Баку никогда не смирилось бы с вводом войск в республику, где еще не было никаких публичных выступлений, тогда как только в Ереване на площади чуть ли не ежедневно собиралось до

миллиона людей, и тем не менее никто не пытался применить там военную силу.

Если бы армейские силы действительно были введены в Азербайджан, это неминуемо вызвало бы вспышку, которая опередила бы Сумгаит и оказалась еще более кровавой. Поэтому речь была вовсе не об опоздании, а о том, что руководство страны проявило двойственность в решении армяно-азербайджанской проблемы, не заняло твердой позиции и какое-то время скрывало ее от населения, тем самым еще больше углубляя конфликт. Метания власти из стороны в сторону только усугубили трагедию.

После кошмарной ночи в Сумгаите я разговаривал с одной армянкой, работницей сумгаитского комбината, женщиной мужественной и умной. Она стойчески пережила страшную ночь, когда ее беременная невестка была зверски замучена, а сын ранен.

- Вы думаете, эти интеллигенты там, в Ереване, думают о нас, армянах? - сказала она. - Они думают о земле. И Карабах им нужен только для этой цели.

Месяца через два-три я встречался с приехавшим в Москву бывшим первым заместителем Председателя Совета Министров Армении Кирокосяном. Он был на пенсии. Кирокосян долго объяснял, почему следовало решить карабахскую проблему в пользу армян, и привел один из главных аргументов:

- Нам очень нужна земля.

- Почему? - удивленно спросил я.

- Потому что армяне уезжают из Армении из-за того, что у них нет земли.

- Куда?

- В Ставропольский край, Сибирь, в Центральную Россию.

- Что в этом плохого?

- Ну как же, растекается нация. Для того чтобы остановить переселение армян в другие районы Советского Союза, нужна земля.

Как это совпадало со словами той женщины в Сумгаите! Значит, нужна земля. Все дело в объединении армянской земли. Вот как глубоко пустили корни в сознании людей дашнакские призывы. И этот узел, завязавшийся на шее двух народов, породила память о геноциде 1915 года.

Как только начались события в Нагорном Карабахе, на нас сразу посыпались упреки: мол, КГБ проморгал конфликт и вовремя не информировал ЦК КПСС.

Филипп БОБКОВ

КГБ и ВЛАСТЬ

Москва 2003 год